

широте резерва дополнительной рабочей силы, который, как казалось, представляли пенсионеры. Следует согласиться с выводом И.К.Нефедовой, что каждый третий среднестатистический мужчина–горожанин умирал, не достигнув пенсионного возраста, а два других жили немногим дольше.. С повышением пенсионного обеспечения с 1 ноября 1985 г., а также с переходом предприятий на новые условия хозяйствования удельный вес работающих пенсионеров сократился с 30% до 27% в 1987 г.⁷

Вопрос о трудовой занятости пенсионеров являлся и является составной частью общей проблемы дальнейшего развития системы социального обеспечения. В первую очередь его решение связано с совершенствованием системы пенсионного обеспечения. Наряду с обеспечением достаточно высокого уровня жизни пенсионеров, увязкой его с уровнем доходов по труду в период трудовой деятельности, и сегодня стоит задача стимулирования участия в труде лиц пенсионного возраста.

¹ Татаркин А.И. Проблемы социальных приоритетов в экономическом развитии региона //В сб.: Сфера услуг: Новые направления и перспективы развития. Свердловск, 1991. С.4

² Путилов О.В., Жеманова М.П., Плотникова В.Е., Оруджиева А.Г., Рачев А.Е. Трудовой потенциал региона в условиях перестройки народнохозяйственного комплекса. Свердловск, 1990. С. 26.

³ Подсчитано автором по данным Статистического Управления Свердловской области.

⁴ Там же.

⁵ Устинова Н.З. Повышение эффективности использование трудового потенциала пенсионеров // В сб.: Трудовой потенциал региона: Проблемы формирования и использования. Свердловск, 1990. С. 123–124.

⁶ Путилов О.В. и др. Указ. соч. С. 29.

⁷ Нефедова И.К. Динамика изменений в численности и составе рабочего класса промышленности Урала (1976–1985 гг.) Свердловск, 1989. С. 41.

Исследование особенностей личности участников локальных военных конфликтов

Проблема сохранения здоровья и работоспособности лиц, подвергавшихся воздействию факторов экстремальных ситуаций, в последнее время привлекает внимание большего числа исследователей. Подобное явление обусловлено тем, что ежегодно десятки и сотни тысяч людей становятся жертвами различных природных, техногенных или социальных бедствий и катастроф.

Среди экстремальных ситуаций особое место занимают социальные катастрофы – результат общественно-политической деятельности группы лиц (политических деятелей, партий, сообществ и др.) или государственной власти, обусловивших снижение социально-политической стабильности в обществе или экономического благополучия населения, а в крайних случаях – приведших к массовой гибели людей.

К категории социальных катастроф, в первую очередь, следует отнести военные локальные конфликты, сопровождающиеся ведением активных боевых действий. Именно с изучения последствий военных конфликтов началось плановое исследование посттравматического стрессового синдрома, когда в середине 1970-х гг. американское общество столкнулось с проблемами, порожденными дезадаптивным поведением ветеранов вьетнамской войны. Было установлено, что у 25% воевавших во Вьетнаме и не имеющих увечья опыт боевых действий послужил причиной развития неблагоприятных психических последствий. Среди раненых и калек количество страдающих ПТСР гораздо больше – до 42%. По имеющимся в настоящее время данным, от 54 до 108 тыс. ветеранов в разное время покончили с собой, а от 35 до 45 тыс. чел. ведут замкнутый образ жизни, почти не общаясь с внешним миром. Значительные трудности возникли и с социальной адаптацией ветеранов, особенно четко это просматривается при анализе различных актов насилия, где наибольший процент приходится на их долю.

Мы в нашем исследовании исходили из представления о том, что структура личности определяется в первую очередь ее актуальными мотивами, их иерархией и широтой связей человека с миром, что отражается на смысловой сфере личности. Из этого следует, что центральным механизмом деформации личности выступает перестройка в ее мотивационной и смысловой сферах.

Соответственно в качестве исходных гипотез мы выдвинули следующие положения:

1. Происходит сужение круга актуальной мотивации человека, то есть происходит сужение круга интересов, обеднение их, резко сокращаются и обедняются связи солдата с миром, а также происходит сокращение временной сферы мотивации (то есть человек живет ближайшими во времени событиями, переоценивая их и недооценивая значимость отдаленных во времени событий).

2. Смысловой опыт, обретенный человеком в экстремальной ситуации, становится для него обузой, тяжелым грузом в нормальной ситуации и, следовательно, отторгается им как нечто чуждое и чужеродное.

В связи с этим мы поставили перед собой следующие цели:

1. Теоретический анализ механизмов и сущности деформации личности в ситуации локального военного конфликта.

2. Экспериментальное исследование произошедшей деформации личности у военнослужащих, участвующих в боевых действиях в Дагестане и Чечне.

Наше исследование проводилось на базе госпиталя МВД, где объектом нашего исследования были военнослужащие, прибывшие из зоны боевых действий, а предметом – деформация мотивационно-смысловой сферы личности.

Исследование деформации личности у военнослужащих мы осуществляли через идентификацию у них комплекса реакций, соответствующих ПТСР. В связи с этим основной задачей нашего исследования было обнаружение или необнаружение диагностических признаков ПТСР у военнослужащих.

Для получения объективных результатов, мы применяли следующие методы и психодиагностические методики:

1. Тематический апперцептивный тест (ТАТ).

2. Hand-тест.

3. Методику исследования «незаконченные предложения» Сакса и Леви.

4. Многофакторный метод исследования личности СМИЛ.

5. Клиническую беседу.

Выбор методик для исследования был продиктован:

1. Основной задачей проводимого обследования.

2. Спецификой клинического объекта исследования, особенностью их эмоционального и физического статуса (трудностью установления контакта, наличием осложнений, связанных с физическим состоянием обследуемых и т. д.).

В нашем исследовании были выявлены основные направления деформации личности, которые носят негативный характер и соответствуют диагностическим признакам посттравматического стрессового расстройства.

Сюда следует отнести то, что негативные события пережитые на войне упорно переживаются вновь и вновь. Вторжение опыта протекает в форме навязчивого воспроизведения. В данном случае он указывает на факт раздвоенности, удвоенности бытия личности, которая существует как бы в параллельных мирах.

Упорно избегается все, что может быть связано с травмой: мысли или разговоры, действия, места. Центральной детерминантой избегания опыта является защита Я с помощью механизма психического сжатия личности. Выражено снижение интереса к тому, что раньше занимало, человек становится равнодушным ко всему, его ничто не увлекает. У многих появляется чувство отстраненности и отчужденности от других, ощущение одиночества.

Фактически у всех солдат появляется чувство укороченного будущего, то есть короткая жизненная перспектива, когда человек планирует свою жизнь на очень небольшое время, что способствует снижению тревоги относительно будущего, так как никто из солдат не знает точно, чем будет заниматься, вернувшись домой, не уверен, что опыт, полученный на войне, пригодится в мирной жизни. Фактически все военнослужащие отмечали, что у них есть проблемы со сном (бессонница или прерывистый сон).

Как следствие, человек становится конфликтным, со всеми ссорится, часто предпочитает решать споры, применяя насилие.

Даже когда человек хочет контролировать свое поведение, у него ничего не получается.

Мы видим, что хотя жизненная ситуация уцелевшего солдата меняется, его личность продолжает функционировать так, как будто он остается в прошлой жизни. Деформация личности солдата идет вразрез с миром возвращения.

Таким образом, возникает некая дубликация личности, сдерживающая ее развитие. То есть в результате нашего исследования, наши гипотезы, касающиеся выявления деформации личности в условиях локального военного конфликта, были подтверждены.

Разумеется, что без дополнительных исследований нельзя дать прогноз дальнейшего развития личности. Пойдет ли оно дальше по этому негативному пути или же будет наблюдаться обратный процесс. Это, по-видимому, будет зависеть как от самой личности, так и от социальной ситуации ее развития.

Для предотвращения последствий военного конфликта на Северном Кавказе или хотя бы частичного блокирования их проявлений, по нашему мнению, необходимо официально сформулировать отношение государства и общества к ветеранам этих событий и как можно быстрее разработать действенную систему мероприятий (на уровне государственной программы) по оказанию им специализированной медико-психологической, социальной и экономической помощи.

Л.Е. Петрова (Екатеринбург)

Являются ли отказники от службы в армии объектом социальной работы?

Определение методов и форм социальной работы, формирование теоретических предпосылок последней эффективно при грамотном определении объектов деятельности социальных работников. Является ли объектом социальной работы все общество? Вряд ли. В таком случае социальная работа была бы